

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 60 (1841)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья А. Фурсова «Китайские горки», опубликованная на сайте газеты «Завтра», 27 мая 2020 года. Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/kitajskie_gorki

Вологда
июнь 2020

Китайские горки

О падениях и взлётах Поднебесной

Временный провал

При взгляде на китайскую проблематику в контексте мировой истории, в глаза бросаются три даты: 1970, 2020 и 1820 годы.

В 1970-м Китай, пережив «Большой скачок» и «культурную революцию», находился в таком состоянии, исходя из которого, едва ли кто-то мог предположить, что к 2020 году эта страна станет второй экономикой мира и по каким-то параметрам сможет даже конкурировать с США. Впрочем, если углубиться в историю и перенестись в 1820 год, то мы увидим, что в ту пору валовый китайский продукт превосходил западноевропейский в два раза. Разумеется, ведущая европейская держава Великобритания была тогда технически наиболее развитой, а Китай оставался аграрной страной, но по валовому продукту, тем не менее, соотношение было именно таким.

Нужно помнить, что Китай в течение двух тысяч лет был экономически одной из самых развитых стран мира. Мы привыкли смотреть на историю, включая XV–XVIII века, сквозь призму хроноотрезка 1850–1980-х годов (плюсминус) – времени господства Запада над большей частью мира. Но что такое эти 100-150 лет по сравнению с двумя или даже тремя тысячелетиями? В известном смысле история повторяется: мир и Китай 2020 года словно возвращаются в 1820 год. В какой степени возвратятся, остановится ли этот процесс или его спираль будет раскручиваться дальше, покажет время.

С 1820-х годов резко усиливается давление Великобритании на Китай – британцы расчищали площадку для ввоза в Китай опиума, этот прибыльный бизнес они развернули с конца XVIII в. В результате двух «опиумных» войн и ослабившего цинский Китай восстания тайпинов британцам удалось установить свой контроль в так называемых «договорных портах», существенно ограничивших суверенитет Китая. Одновременно нарастали экономические проблемы Китая. В результате к концу XIX в. Китай стал тем, что экономисты и историки называют «слаборазвитой страной». В 1980 г. в США даже был проведён международный

семинар на тему, как получилось, что самая развитая страна XIV века, Китай, к концу XIX века пришла в состояние слаборазвитости. Слаборазвитости – по сравнению с промышленным Западом, включение в орбиту которого не привело Китай к качественным социально-экономическим сдвигам.

Интеграция прибрежных районов, прежде всего – юга страны, привела не к возникновению промышленной буржуазии, а к усилению традиционного торгового капитала и появлению компраторских групп, тесно связанных прежде всего с Великобританией. В то же время «шанхайская» модель не распространилась на весь Китай, в отличие от того, что произошло с бомбейско-мадрасской в Индии. Принципиально иной по сравнению с Японией характер включения Китая в мировую экономику и политику, с одной стороны. Размеры Китая и его демографическая масса – с другой. А с третьей – уверенность китайцев в своём социокультурном превосходстве над Западом, причём и в период самых тяжёлых поражений от «рыжих дьяволов» (даже в условиях агонизирующего Китая самоидентификация – «быть китайцем» – никогда не ставилась под сомнение). Всё это не позволило превратить Китай в колонию. В то же время интеграция в мировую систему не могла не деформировать естественное развитие страны.

Переломным в истории современного Китая был период, который я называю «длинными пятидесятью XIX века» – 1848–1867/73 годы. Они начались мировым кризисом (1848 г.) и публикацией на Дальнем Западе Евразии «Манифеста Коммунистической партии» Маркса и Энгельса (1848 г.), а закончились реставрацией Мэйдзи в Японии (на Дальнем Востоке Евразии, 1867 г.), публикацией I тома «Капитала» (1867 г.) и началом в 1873 г. экономической рецессии (1873–1896 гг.).

Именно в «длинные пятидесятые» западноевропейская (североатлантическая) мир-система превратилась в мировую систему. Это очень важно: мир-систем в мире может быть несколько, мировая капиталистическая система – только одна, и терпеть в себе или рядом с собой другие мир-системы она по определению не может и не будет. К сере-

дине XIX века в мире, кроме североатлантической мир-системы, существовали, пусть и в ослабленном виде, ещё две: русская и китайская. Неслучайно англо-французский Запад как ядро мировой системы почти одновременно начал войну против России (Крымская, 1853–1856 гг.) и Китая (вторая «опиумная», 1856–1860 гг.). Своих долгосрочных целей британцы и их пристяжные – французы – не достигли: Россию не удалось ни разгромить, ни полностью выбить из Центральной и Южной Европы, тем более что через полтора десятка лет часть утраченного мы вернули; Китай не удалось превратить в колонию. Однако и Россия, и Китай перестали быть мир-системами и стали экономически превращаться соответственно в полупериферию и в периферию мировой капиталистической системы, по крайней мере, частично: далеко не все регионы России и в ещё большей степени Китая были включены в мировой экономический кругооборот.

То, что происходило в Китае в течение сотни лет без одного года, между 1850-м (начало тайпинского восстания, начало смуты – «луань») и 1949 гг. (победа коммунистов и объединение страны под их централизованной властью – установление порядка, «чжи»), было типичным для истории Китая периодом династического упадка. Его можно сравнить, например, с эпохой Троецарствия после падения Младшей (Поздней) Хань, когда Цао Цао так и не удалось стать новым Цинь Ши-хуанди, или с эпохой пяти династий и десяти царств между танским и сунским временем. Разумеется, современная эпоха, вторая половина XIX – начало XX века придали династическому интеррегнуму в Китае новые черты, резко усложнили его по сравнению с другими «эквивалентными эпохами», однако в целом суть временного провала Китая в «Колодец Истории» от этого не меняется, как и его временный характер.

После леворадикальных экспериментов, порой доходивших до экстремизма и гражданской войны пониженного градуса («большой скачок», «культурная революция»), Китай в конце 1960-х–начале 1970-х годов оказался в крайне тяжёлом положении. Решение китайских проблем пришло с мирового уровня – из США как «ядерного центра» мировой капиталистической системы, которые к концу 1960-х годов проиграли экономическую гонку

Советскому Союзу – не СССР выиграл, а США проиграли.

С 1968 года, как написал в интереснейшей статье «Третий дефолт доллара, или Последний билет на Титаник» А. Саломатин: «США как единый хозяйственный комплекс перестали быть рентабельным самофинансируемым предприятием. Фактически это означает следующее: США в 1968 году проиграли экономическое соревнование СССР. Советский народ оказался более талантливым и трудолюбивым, чем американский. Но в составе советского руководства в то время уже не было гениального бухгалтера, коим помимо прочего являлся И.В. Сталин. Советское руководство просто не поняло этого простого факта», – заключает А. Саломатин. А вот руководство КНР всё поняло и протянуло американцам руку, предложив себя в качестве «мастерской». Сделка состоялась не сразу, понадобились две китайские провокации, демонстрирующие определённые намерения: конфликт на Даманском (1969 г.) и странная, если не принимать во внимание расчёт на внешний эффект, война с Вьетнамом (1979 г.). Эта война убедила американцев и дала старт так называемым «реформам Дэн Сяопина», потащившим Китай по квазикапиталистическому пути. КНР стала активно работать на американский и мировой рынок, уже в 1990-е годы заполнив его дешёвыми товарами невысокого качества, попросту говоря – барахлом, но барахло оказалось востребованным, причём до такой степени, что, как пишет А. Саломатин, в 2006 г. на экономику США работало за свеженапечатанные американские деньги почти 300 млн китайцев. Кроме того, поскольку с 1968 г. источником развития США являются долги, то само «держание» этих долгов Китаем в виде ценных бумаг тоже помогает США не потонуть.

Помимо американской линии на интеграцию КНР в мировую экономику была ещё и линия британская, которая в XX в. стартовала чуть раньше американской, но легла на прочные, почти двухвековые связи ряда британских семей с элитами Южного Китая, из которых вышло немало представителей коммунистической номенклатуры.

То, что произошло с КНР за последние 30 лет, именуют не иначе как «китайским чудом». Действительно, по определённым меркам это – чудо,

даже если забыть о заплаченной за него социальной и экологической цене, с одной стороны, и о той ситуации, в которой Китай оказался сегодня, – с другой. Однако когда китайские успехи последнего тридцатилетия превозносят как невиданный в истории успех, имеет смысл сравнить их с «советским чудом» 1930-х и особенно 1950-х годов. Во-первых, СССР был развитым высокотехнологичным обществом, которое по тогдашним параметрам и уровням нельзя даже сравнивать с нынешним Китаем, тем более что китайцы – мастера показывать и продавать витрину, прежде всего – городскую, но ведь есть ещё китайская деревня и 75% территории КНР, непригодные для ведения хозяйства по экологическим причинам. И это тоже – результат реализации капиталистического пути. Во-вторых, Советский Союз выступал в качестве не просто страны, а альтернативной капитализму мировой системы – системного антикапитализма, и как только он начал реально интегрироваться в капиталистическую систему, он вступил на путь «отложенной смерти».

Китай, при всех его успехах в ряде областей, не является мировым лидером в сфере высоких технологий. В целом он – «нижний этаж», промышленный цех мировой экономики, которую контролируют вовсе не китайцы. Китай не является вариантом развития, альтернативным капитализму, он встроен в него, а потому его цель лишь расширить свою зону контроля и ждать максимального ослабления США, место которых в качестве нового мирового гегемона занять он всё равно не сможет. И не только потому, что в посткапиталистическом мире макрорегионов не будет одного единственного гегемона. Дело ещё и в том, что страна-гегемон – это всегда инноватор, а китайцы этим качеством в должном, «гегемонобразующем» масштабе не обладают, они – талантливые заимствователи и имитаторы.

Кто-то возмутится: как?! А порох, а компас, а бумага и бумажные деньги – разве всё это изобретено не в Китае? Ответ на это прост: изобрести могут где угодно и что угодно, однако есть изобретение и есть нововведение. Для того чтобы изобретение превратилось в нововведение, нужны благоприятные условия: социо-системные, культурные, психологические. Древние римляне знали, что та-

кое механизмы машинного типа, однако использовали их во время праздников, для увеселения – внедрение такой техники в производство могло разрушить основы антично-рабовладельческой системы. Гениальные русские изобретатели XVIII века превзошли некоторые изобретения британцев, однако их работы не были нужны крепостнической системе, а психологически косная среда не могла оценить технические возможности. Советская номенклатура во второй половине 1960-х годов, исходя из своих шкурно-групповых, квазиклассовых интересов заблокировала превращение антикапитализма в посткапитализм, т.е. в то, что на языке официальной идеологии именовалось «коммунизмом».

Таким образом, не надо путать, во-первых, изобретения и нововведения; во-вторых, заимствователей/имитаторов (пусть талантливых) и настоящих новаторов. Китай заимствовал, а там, где мог, крал технологии. Другое дело, что эти технологии он обратил себе на пользу, в том числе в конкуренции с определёнными сегментами Запада.

Используя кризисы

Водораздельный период между 1970 и 2020 годами, когда произошёл подъём Китая, отмечен рядом важных изменений. Назову лишь некоторые – на мой взгляд, главные из них.

Во-первых, это нарастающий кризис капиталистической системы. Собственно, глобализация и есть выражение этого кризиса. С середины 1970-х годов западные верхи начали демонтаж капиталистической системы, который сейчас идёт в уже неприкрытой форме. Если Клаус Шваб, организатор Давосского форума, в 2012 г. открыто заявил, что капитализм не соответствует тому миру, который сейчас существует, то это означает, что «кашу» демонтажа капитализма заварили вполне серьёзно, и двойная эпидемия – коронавирусная и связанная с ней психическая – мощное оружие мировой верхушки в демонтаже правовых, политических и социокультурных опорных конструкций капитализма; об экономической я уже и не говорю.

Второй момент – это структурный кризис системного антикапитализма СССР, превращённый внутренними и внешними силами в системный, в разрушение нашей страны и разграбление Западом стран бывшего соцлагеря. Это позволило Западу

отодвинуть собственный кризис до 2008 года. В середине 1960-х годов, выражаясь языком советской фантастики, Советский Союз опоздал в Мир Полдня XXII века, описанный Стругацкими, и вместо этого попал на планету Торманс из романа Ефремова «Час быка». То есть в олигархическое общество, «гниющий расцвет» или «зияющие высоты» которого мы наблюдаем воочию.

Третий момент – это короткая счастливая жизнь Евросоюза. ЕС поднялся сразу же после разрушения СССР (это, разумеется, не совпадение), но счастливо прожил недолго – примерно четверть века. Сейчас он, если и не дышит на ладан, то, по крайней мере, испытывает весьма серьёзные проблемы. Де-юре ЕС, скорее всего, сохранится, но де-факто он уже сейчас во многом является иллюзией, дверцей, нарисованной на холсте.

Четвёртый момент – подъём исламизма и мусульманская реконкиста в Европе в виде миграционного кризиса. Нужно сказать, что англосаксы над этим работали очень долго, и затея их в значительной степени увенчалась успехом. Однако этот успех, скорее всего, обернётся против них самих. Ещё в 1930-е годы британская разведка начала создавать структуры типа «Братьев-мусульман» (террористическая организация, запрещённая в РФ. – Ред.). А в Афганистане американцы вообще сделали шаг, который – здесь я согласен с писателем А. Афанасьевым – является поворотным и не менее важным, чем революция аятоллы Хомейни в Иране. Дело в том, что до событий в Афганистане противостояние Советского Союза и Соединённых Штатов Америки в странах Третьего мира развивалось так: у нас был свой проект Модерна, антикапиталистический или, точнее, некапиталистический, у Запада – свой, капиталистический. То есть были два конкурирующих проекта Модерна. Однако в Афганистане американцы сделали ставку на исламистов – на антимодерн, запустив совершенно другой процесс противостояния с Советским Союзом, пойдя по линии футуроархаики и антипрогресса.

В этом отношении исламизм – продукт двойного происхождения. С одной стороны, он оформился в мусульманском мире, с другой – он продукт деятельности спецслужб Великобритании и США. Сейчас они расхлёбывают последствия по полной программе – получается, как в пастерна-

ковском переводе «Гамлета»: «Ступай, отравленная сталь, по назначению». Вот она и «ступила».

И последний, пятый (по счёту, но не по значению) фактор – это реальный подъём Китая, совпавший с разрушением СССР и деградацией РФ. Связаны ли эти события? Да – и внешне, и по сути! Чем слабее становился СССР, тем сильнее становился Китай.

В мае 1989 года китайское руководство не позволило стране свалиться в хаос: «чжи» победил потенциальный «луань». Были подавлены выступления на площади Тяньаньмэнь. Да, с кровью, но если бы они не были подавлены, то гражданская война, которая могла вспыхнуть в Китае, унесла бы значительно больше жизней. В 1989 г. Китай избежал серьёзных проблем. А вот СССР не избежал. В декабре 1989 г. команда «плохишей», Горбачёв и К°, сдала и соцлагерь, и страну. Сделано это было в два хода и в три дня. Как тут не вспомнить розановское о феврале 1917 года: Россия слиняла в два дня, самое большее в три. То же произошло с СССР в три августовских дня 1991 года. Но ещё раньше, в три первых декабрьских дня 1989 года, был сдан соцлагерь, а вместе с ним – и СССР. Сначала, 1 декабря 1989 года Горбачёв встретился с известным советофобом и русофобом Иоанном Павлом II, персонифицировавшим континентальные западноевропейские элиты, а затем 23 декабря на Мальте «Горби» осуществил второй акт капитуляции – перед англосаксами.

Налицо разнонаправленные процессы двух стран: СССР и КНР. В 1960-е–70-е годы СССР становился сильнее, а КНР слабела, в 1980-е Китай становился сильнее, а в Советском Союзе команда Горбачёва, точнее, та команда, которая избрала своей ширмой Горбачёва, Шеварднадзе и прочую шпану, постепенно ослабляла страну, разрушала её экономику, социальный и политический строй.

Был ли Китай заинтересован в ослаблении и распаде СССР? Безусловно. А вот был ли заинтересован Китай в распаде России? На мой взгляд, нет. Были ли заинтересованы в ослаблении и разрушении СССР те международные силы, которые поднимали Китай? Да. Но хотели ли они в 1991 г. разрушения Российской Федерации? Далеко не все. Думаю, потом на Западе об этом пожалели, но

на тот момент сработали фактор Китая и наличие ядерного оружия у России.

Что за силы поднимали Китай, чьи следы читаются на историческом песке?

Об американцах уже было сказано. Однако не менее, а скорее всего более важен британский след. Это след как государства Великобритании, так и закрытых наднациональных структур мирового согласования и управления, по крайней мере, той их части, которая направляется Альбионом. В 1956 г. Суэцким кризисом СССР и США нанесли решающий удар по Британской колониальной империи в её старом виде. После «ухода» Индии эта империя и так уже стремительно слабела, после Суэца она посыпалась.

Британской верхушке, опытной и искушённой в том, что А.Е. Вандам (Едрихин) назвал «искусством борьбы за жизнь», предстояло либо смириться и пассивно наблюдать угасание того, что со всей очевидностью должно было превратиться в «горстку пепла» (Ивлин Во), либо попытаться воссоздать империю на новой – финансовой основе. Единственной страной, к которой британцы могли приложить усилия по созданию невидимой империи, был Китай, южную часть которого они начали осваивать ещё с конца XVIII в.; тем более что торговля опиумом обогащала не только британцев, включая корону, не только ту часть американской верхушки, которую называют «бостонскими браминами», но и определённую часть южнокитайских торговых и чиновничьих кланов. И связи эти протянулись из начала XIX в. в начало XXI в.

В первой половине 1960-х годов с обеих сторон, британской и китайской, при помощи отдельных доверенных лиц по семейно-клановым каналам, а также по линиям закрытых, спецслужбных и криминальных структур через Сингапур и Гонконг были «наведены мосты» и схема строительства невидимой Британской империи 2.0. начала воплощаться в жизнь. Однако до тех пор, пока существовал СССР, ни невидимая империя (даже при наличии у неё тайной агентуры в советском «истеблишменте»), ни Китай (даже после его промышленного подключения к американской экономике) не могли развернуться на полную мощь. Поэтому именно Великобритания и КНР (а также Израиль) были, на мой взгляд, главными, первооче-

редными интересантами не просто ослабления, а разрушения СССР. США и ФРГ – во вторую очередь. Не случайно с разрушением СССР совпало (по сути это разные стороны одного целого) процветание США при Клинтоне, рост британской финансовой империи, китайский рывок, реальный старт Евросоюза с резким усилением роли и значения ФРГ в Европе (Германия финансово-экономическими средствами добилась многого из того, чего Гитлер стремился достичь военно-политическим путём).

Кстати, в ФРГ тоже был сегмент, заинтересованный в разрушении СССР, особенно после того, как Горбачёв сдал ГДР и Хонеккера, и когда от СССР уже ничего не зависело. Теперь можно было подумать о реванше.

Сегмент, о котором идёт речь, был тесно связан с Четвёртым рейхом как составным элементом нацистского интернационала. Тема Нацинтерна по целому ряду причин изучена слабо, хотя следы этой структуры читаются, её представители активно «резвились» в основном в двух регионах: в Латинской Америке и на Ближнем Востоке. Советником Насера, к примеру, был немалый чин из СС. Нацинтерн сделал весьма много для обострения отношений между США и Советским Союзом в конце 1950-х годов, его люди всегда помнили о реванше. Поспособствовав западногерманскому аншлюсу ГДР, «плохиши» создали объективные условия для его осуществления – даром, что ли, «херр Горбачёв» оказался «лучшим немцем XX столетия» и получил свои «корзину печенья и банку варенья» как эквивалент 30 сребреников?

В 1970-е и 1980-е годы Китай, помимо прочего, «выскочил» на противостоянии СССР и США. В истории это классика: Спарта поднялась в процессе противостояния Афин и Персидской державы, Франция в XIV веке возвеличилась за счёт соперничества императоров и пап, и кончилось это, как известно, тем, что папы поехали в Авиньон на 70 лет – произошло знаменитое Авиньонское пленение пап французскими королями, так с неожиданной стороны пришло возмездие за несчастных Гогенштауфенов. Аналогичным образом вынырнула в XIX в. Германия, пока британцы обращали своё подозрительное внимание на Францию, чтобы та ни в коем случае не поднялась снова. Примерно то же произошло с Китаем: во время советско-

американского соперничества он получил «про-странство для вдоха».

Устойчивый марксизм

В последние 2025 лет у нас неоднократно заводят речь о «китайском уроке для России», о том, что если бы поздний СССР, а затем РФ двинулся по пути дэнсяопиновского Китая, если бы у нас был свой Дэн Сяопин, то всё было бы в порядке.

Но дело не в личностях, а в социальных силах, выбирающих определённый путь. Ни Андропов, ни Горбачёв не решали, куда пойдёт СССР. Первый был фронтменом кластера чекистской номенклатуры, сформировавшейся в 1940–50-е и 1960–70-е годы, наивно поставившей на интеграцию в западный мир. Второй, так же, как и Шеварднадзе, был лишь пешкой в чужой игре. То есть сама постановка вопроса «если бы Горбачёв был Дэн Сяопином» изначально неверна. Он никак не мог быть Дэн Сяопином – ставили его не для этого, о личностных характеристиках я уже не говорю. К середине 1970-х годов в Советском Союзе формировался прагматично настроенный кластер, который стремился к изменению социального строя, к превращению власти в собственность. Этому кластеру нужна была «бригада-ширма», в которую отбирали недалёких, коррумпированных, тщеславных, а главное, легко управляемых людей. Тогда и подобрали всю команду. Сначала старшую – всех этих горбачёвых-шеварднадзе и прочих, позже – публику помоложе, то есть выучеников МИПСА (Международного института прикладного системного анализа) – всем известных «героев» постперестроечного времени. Это одна сторона дела, есть и другая.

Как говорится, «дедушка не мог стать бабушкой» ещё и потому, что Советскому Союзу, высокоразвитому промышленному обществу – так же, как и ГДР, – никто на Западе не позволил бы интегрироваться в мировую экономику в том высоко-развитом состоянии, в котором эти страны находились в конце 1980-х годов. Конкуренты никому не нужны. В интересах западного капитала нужно было сначала разрушить Советский Союз, а затем провести деиндустриализацию, что и было сделано в 1990-е годы. С ГДР западные немцы вообще про-вернули аншлюс – так сегодня на самом Западе всё чаще называют так называемое «воссоединение

двух Германией» – краеугольный миф Евросоюза. Варварским образом за два-три года расправились с экономикой страны, которая входила в первую десятку наиболее развитых стран мира. Только разрушив высокоразвитую социалистическую экономику конкурентов, можно было позволить им «вступить» в капиталистическую систему, а их верхушки «записать в буржуинство». Собственно, разрушение российской промышленности и было платой за «запись в буржуинство» в качестве низового, шестёрочно-сырьевого сегмента. Не надо верить глупым сказкам, что в 1980-е годы СССР экономически находился на последнем издыхании. Это – миф, который выдумали «перестройщики» и «постперестройщики». Одни – чтобы оправдать разрушение СССР, другие – чтобы оправдать разграбление и неспособность сделать что-либо путное. А вот Китай Запад мог спокойно пускать в интеграцию, поскольку на тот момент КНР не представляла никакой экономической угрозы, её экономику не рушить надо было, а поднимать, что и было сделано на основе сверхэксплуатации китайских трудящихся, которых сегодня загоняют в цифровое стойло системы «социального рейтинга/кредита».

Ещё один вопрос, который часто обсуждается: является ли Китай угрозой для России? Есть две крайние точки зрения. Одна: Китай – это враг, его нужно бояться. Вторая: Китай – друг, мы братья навек. На самом деле в реальной политике не может быть друзей. Бывают только союзники и интересы. Китай, безусловно, тактический союзник РФ в той ситуации, в которой она оказалась на данный момент. В принципе же угрозу представляет любая крупная страна, тем более перенаселённая, с избытком мужского населения, испытывающая экономические проблемы и граничащая с РФ. А потому нужно действовать по неизменному мудрому принципу: «наш бронепоезд стоит на запасном пути». И, кроме того, конечно, необходимо всесторонне изучать современный мир: во-первых, самих себя; во-вторых, наших врагов; в-третьих, наших соседей.

Парадокс заключается в том, что мы вступаем в период терминального кризиса капитализма, не имея по-настоящему адекватной науки ни о нём, ни о России, ни о Западе, ни о Востоке, ни о мире в

целом! Что ещё хуже, мы оказываемся в методологическом плане если не в пустыне, то в полупустыне. В 1991 году в РФ выбросили на помойку марксизм, а вместе с марксизмом выбросили теорию вообще! Как известно, Сталин когда-то сказал: «Без теории нам смерть, смерть, смерть!..»

Другое дело, что в Советском Союзе с середины 1950-х годов обществоведческая теория развивалась очень мало, спорадически. Была только постепенно костенеющая идеология, блокировавшая реальное развитие теории; такая ситуация порожидала у многих интерес к западной социологии, причём часто интерес некритический и не к лучшим образцам. После 1991 г. в РФ хлынул мутный поток второсортных западных теорий и концепций, многие из которых на самом Западе уже давно сданы в утильсырьё (классический пример – схема под названием «тоталитаризм»). Вокруг и на основе этого утильсырья и западных грантов на разработку именно его сформировался целый кластер компрадорского обществоведения, в концептуальном плане нередко работающего в чужих интересах, т.е. в антироссийском плане. В то время как на Западе, например, растёт количество работ по Марксу и марксизм там преподают в элитарных учебных заведениях, в РФ от него напрочь отказались (логично: зачем зависимой стране мощное интеллектуальное оружие, пусть кормятся объедками вроде попперов-хайеков и т.п.).

Для понимания современного мира и для ответа на его вызовы необходимо разрабатывать новую теорию, принципиально новое знание. Над Пост-Западом (при его внимании к Марксу) эта проблема тоже нависает всё больше, но там этим вопро-

сом уже начали озадачиваться даже спецслужбы. Так, ведущие спецслужбы англосаксонских стран вместе с несколькими историческими факультетами ведущих университетов Великобритании начали готовить историков по принципиально новым специальностям, по которым традиционно не готовят: историк-системщик (*systems historian*) и историк-расследователь (*investigative historian*). Раз непосредственно спецслужбы там взялись за этот процесс – значит, ПостЗапад реально припекло.

У нас же в этом отношении тишь да гладь, мы до сих пор главным образом переписываем (комментируем) второсортные западные экономические, политологические и социологические теории и продолжаем рушить собственное высшее образование; фундаментальную науку в области обществоведения уже разрушили. Получается эдакий «пикник на обочине» с очевидной перспективой превращения в «пикник на помойке», в игры на «поле чудес» в Стране Дураков.

Чтобы этого не произошло, нужна новая наука об обществе. Это, безусловно, не достаточное условие движения вперёд, но необходимое. Достаточное условие – это властная воля, которая не позволяет вечно отсиживаться в обороне и оправдываться, а заставляет наступать! Нам нужна реальная картина мира, потому что она является самым мощным оружием в психоисторической войне. А в разработке такой картины мира, безусловно, одна из важнейших задач – исследование Китая как системы, его места в мире.

Андрей Фурсов